

Серия картин Александра Коцебу для князя А. Г. Щербатова

Д. В. Любин

Александр Евстафьевич Коцебу (1815–1889) был одним из крупнейших и наиболее признанных в Европе отечественных баталистов XIX века. Его зрелое творчество представлено большими картинами, написанными по заказам Николая I и Александра II, а также баварского короля Максимилиана II. Некоторые из этих работ известны, как, например, «Полтавская баталия», принесшая ее автору золотую медаль Всемирной выставки в Париже в 1867 году, и ряд других. Большой интерес представляют картины Коцебу, созданные в годы обучения в Академии художеств в Санкт-Петербурге (1837–1844). Как и всякие подобные произведения, они свидетельствуют о становлении художника, формировании его творческого метода и совершенствовании мастерства. Вместе с тем благодаря им неожиданно открываются интересные обстоятельства обучения Александра в батальном классе. Небольшие военно-исторические композиции, казалось бы, обычные для академического ученика, оказываются куда большим – значительной, продуманной работой, заслуживающей серьезного внимания.

В 1839 году – на третьем году обучения в Академии – Коцебу приступил к серии картин, повествующих об эпизодах военной жизни известного военачальника, генерала от инфантерии и генерал-адъютанта князя Алексея Григорьевича Щербатова (1776–1848)¹. Работа продолжалась три года: последняя картина написана в 1841 году. Обстоятельства, побудившие художника приступить к созданию серии, точно не известны. Косвенные источники позволяют предположить, что картины были заказаны Щербатовым либо через президента Академии, либо (что менее вероятно) через руководителя батального класса А. И. Заурвейда². Заказ этот не был официальным, докумен-

тальных свидетельств о его условиях – сроках, составе серии, наконец, о вознаграждении – нет. Примечательно, что работа над картинами была частью процесса обучения Коцебу. Одну из них – «Бой под Лёвенбергом 17 (29) августа 1813 года» – он представил на академической выставке 1840 года и получил за нее большую серебряную медаль.

Что же касается князя Щербатова, то идея заказать несколько картин возникла у него, надо думать, в связи с новым этапом его военной карьеры. Находившийся с 1835 года в отставке, 24 апреля 1839 года Алексей Григорьевич был вновь принят в службу и назначен шефом Костромского егерского полка. С этим полком была тесно связана судьба князя. Он лично сформировал его 29 августа 1805 года как Костромской мушкетерский (с 1811 года полк назывался Костромским пехотным), в 1806 году был назначен его шефом и оставался им до 1814 года. Полк входил в состав соединений, которыми командовал Щербатов в эпоху Наполеоновских войн: вначале это была бригада в 18-й пехотной дивизии (1807), затем сама дивизия (1811) и в 1813 году – 6-й пехотный корпус.

Вновь назначенный в 1839 году шефом по-настоящему родной для него части, князь, очевидно, пожелал сделать полку подарок – серию картин, посвященных подвигам костромичей и их шефа. Подтверждение этого предположения содержится в обстоятельной «Истории 19-го пехотного Костромского полка от 1805 по 1900 г.», составленной офицером полка поручиком В. Богдановичем³. В издании воспроизведены три из восьми картин кисти Коцебу, входящих в серию, и указано, что все они являются собственностью полка и находятся в его офицерском собрании⁴. Об одной из картин – «Штурм крепости Руцук» –

сказано не только, что она находится в собрании полка, но и что она была подарена полку князем Щербатовым⁵. Учитывая, что картина входит в цикл, созданный в течение весьма непродолжительного времени, и принимая во внимание идентичные и по характеру, и по стилю пояснительные надписи на оборотах всех картин, полагаем, что и остальные произведения Коцебу были подарком Алексея Григорьевича своему полку.

Серия состоит по крайней мере из восьми картин. Они имеют горизонтальный формат и почти одинаковые размеры: около 44 сантиметров в высоту и от 60 до 62 – в ширину. В них представлены наиболее значительные события военной жизни князя Щербатова в период с 1806 по 1814 год – время его первого шефства над Костромским полком. Семь из восьми сражений произошли в ходе различных кампаний против Наполеона Бонапарта. Это сражение при Голымыне (1806), капитуляция Данцига (1807), взятие Брест-Литовска (1812), сражения при Кёнигсварте (1813) и Лёвенберге (1813), взятие города Линьи (1814) и сражение при Бриенне (1814). Одна из картин написана на сюжет Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. В ней запечатлен штурм крепости Рущук (1810). У этой работы – единственной в серии – есть повторение, возможно авторское. Семь картин (и упомянутое повторение) находятся в собрании Государственного исторического музея, одна – «Бой под Лёвенбергом 17 (29) августа 1813 года» – в собрании Музея-панорамы «Бородинская битва» (все – в Москве)⁶.

Ход работы художника над серией прослеживается по архивным документам и в целом соответствует хронологии изображенных событий. Наиболее ранние сюжеты Коцебу запечатлел в первую очередь, наиболее поздние – после остальных. Художник, очевидно, изначально знал все сюжеты, на которые ему надлежало создавать картины: эпизоды жизни Щербатова планировалось увековечить именно серией. Основным источником для Коцебу должны были послужить воспоминания князя, существовавшие в виде рукописи⁷. Щербатов стал писать мемуары по просьбе военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, который использовал их, в частности, в работе над книгой «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном» (1846). Она содержит многочисленные указания на «записки» полководца⁸.

Первыми и по хронологии событий, и по времени создания стали две работы «Сражение при

Голымыне» и «Капитуляция Данцига в 1807 году». Обе написаны в 1839 году. Сражение при местечке Голымин произошло 14 (26) декабря 1806 года. В этот день русские под общим командованием генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына успешно противостояли вдвое превосходящим их французским войскам (16 500 – 18 000 против 38 000 человек)⁹.

Во время этого сражения произошел эпизод, который лег в основу сюжета первой картины «щербатовской» серии. На левом фланге войск Голицына находился Костромской мушкетерский полк, не имевший еще боевого опыта. С приданными ему четырьмя орудиями полк занял лес впереди левого крыла русских войск, чуть позднее выйдя на поляну, где удобнее было обороняться. Голицын усилил костромичей Днепровским пехотным полком, одним батальоном таврических гренадер, а также двумя эскадронами псковских драгун. В середине дня, в тот момент, когда Щербатов выводил свой отряд из леса на открытое место, стрелки из дивизии генерала Ж. Дежардена (бригада генерала Лефранка) открыли плотный огонь по русским. Первое столкновение с неприятелем произвело на необстрелянных людей ошеломляющее впечатление: полк побежал¹⁰.

В полковой истории этот эпизод описан так: «Замешательство быстро передалось по рядам, и через минуту и хвост, и голова колонны, охваченные страхом, потеряли порядок и безобразною толпою ринулись назад... Все потерялось. Знаменщики забыли в руках своих святыни и, поддаваясь общей панике, не отставали от других»¹¹. В этот момент князь Щербатов спешился, выхватил у одного из знаменщиков знамя и устремился к тому месту, где он намеревался выстроить полк для обороны. Остановив бегство, он расставил свои батальоны и приданные ему войска. «Устыдясь мгновенного смятения, костромцы дрались весь день как львы», – писал Михайловский-Данилевский¹². Встретив французов огнем артиллерии, Щербатов остановил бригаду Лефранка, и бой «перешел в перестрелку»¹³. За сражение при Голымыне князь был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени¹⁴.

В картине Коцебу изобразил наиболее драматический момент, когда князь, спешившись – казак держит под уздцы его лошадь, – останавливает бегущий полк (ил. 1). Щербатов представлен в центре, со знаменем в одной руке и шпагой в другой. Первые шеренги солдат уже следуют за своим шефом. Отступающие, изображенные в ле-

Ил. 1. А. Е. Коцебу. Сражение при Голымыне. 1839. Инв. № И 1 1471. Государственный исторический музей

вой части картины, оборачиваются и вот-вот развернутся и примкнут к товарищам. Огонь французских стрелков наносит урон костромичам¹⁵. На переднем плане офицер принимает знамя из рук раненого знаменщика, убитый солдат лежит в снегу почти у ног Щербатова, убитый барабанщик – поодаль. Позади, на небольшой возвышенности, виден Голымин. Из редкого леса справа показываются стрелки бригады Лефранка в синих мундирах. На обороте картины есть надпись: «Ген: майор кн. Щербатов, командуя левым флангом, видя отряд свой расстроенный неприятелем и отступающий в беспорядке, берет знамя и устремляется (?) с ним вперед, и так восстанавливает порядок в полках, которые, последуя за ним, отражают неприятеля».

В этом раннем произведении Коцебу уже вполне состоятелен в сочинении пусть еще довольно простой, но ясной и уравновешенной композиции, в изображении группы динамично движущихся подчиненных Щербатова, в выразительном образе главного героя, в хорошо напи-

санном зимнем пейзаже, в достаточно проработанном дальнем плане. По возможности художник пытается быть точным и в деталях, известных ему лишь из записок князя, в принципе верно показав местность, где происходили действия Костромского полка. В изображении же сражающихся Коцебу допустил несколько ошибок. Более всего их – в облике русских¹⁶. Самая досадная ошибка связана со знаменами: верно показав их бело-зеленую расцветку, как и у всех полков Литовской инспекции, Коцебу перепутал цвета: крест должен быть светло-зеленым, углы – белыми¹⁷. Кроме того, четыре батальонных знамени даже в условиях беспорядочного отступления вряд ли могли оказаться друг рядом с другом – при движении полка их разделяло много десятков метров. Хотя сам Щербатов в мемуарах описал эпизод именно так, и художник точно следует его словам. Говоря об облике противника, нужно заметить, что и стрелки Лефранка показаны скорее символично, чем достоверно, как и убитый французский пехотинец на переднем плане, уткнувшийся лицом в снег.

Названные неточности следует признать вполне естественными для ученика Академии, делавшего первые шаги в области батальной живописи. Судить за них Коцебу, упрекать его в недостаточном старании или небрежности не совсем справедливо: в распоряжении молодого художника находилось куда меньше документальных сведений о том, как выглядели чины русской армии в то время, чем, например, у современного исследователя. Задачу во всех подробностях изучить обмундирование, снаряжение и вооружение русской пехоты в 1806 году Коцебу, конечно, никто не ставил, и художник при написании картины опирается на более знакомые ему позднейшие их образцы. Всем этим также обусловлена известная «приблизительность» облика изображенных военных. Стоит сказать, что схожие погрешности будут встречаться в картинах Коцебу и в дальнейшем. Они ни в коем случае не снижают общего впечатления от произведений, но заслуживают внимания.

Для большей выразительности картины художник несколько приукрасил события. Гренадеры Костромского полка, особенно те, что следуют за своим шефом навстречу противнику, совсем не похожи на необстрелянных молодых солдат: это бывалые люди, бестрепетно идущие в бой. Такой вид подчиненных князя добавляет картине героического настроения. Мундир главного героя символично украшает крест ордена Святого Георгия 4-й степени, полученный им за это сражение.

Второй сюжет, связанный с подвигами Щербатова, воспроизводит события, произошедшие вскоре после Голыминского дела, – в Данциге в 1807 году. Крупный морской порт на Балтике – Данциг – имел стратегическое значение и для Наполеона, и для русско-прусских войск. Для того чтобы укрепить силы прусского гарнизона¹⁸, которым командовал военный губернатор генерал от кавалерии граф Ф. А. фон Калкройт, к оборонявшимся были направлены русские войска числом 4800 человек под командованием Щербатова. Эти три гарнизонных батальона и три полка донских казаков были нужны, по словам князя, «не столько для подкрепления гарнизона, сколько для восстановления духа пруссаков, которые видели почти все свои крепости падшими перед французами без надлежащей защиты»¹⁹.

Прусский король Фридрих Вильгельм III назначил Щербатова вторым военным губернатором Данцига и повелел графу Калкройту во всем иметь с ним общие решения. В день прибытия русских,

17 марта 1807 года, началась осада крепости. Она продолжалась более двух месяцев. Французы изолировали Данциг от внешнего мира, попытки деблокады не увенчались успехом. Среди солдат Калкройта было много уроженцев прусской Польши, которые часто дезертировали и переходили на сторону французов. Силы гарнизона таяли, подошли к концу припасы и порох. Французское командование предложило прусско-русским войскам почетную капитуляцию. Гарнизон мог выйти с оружием и даже частью артиллерии, со всеми воинскими почестями, но с условием: не сражаться против французов в течение года и одного дня. 24 мая 1807 года крепость капитулировала. В надписи на оборотной стороне картины подробно изложен этот сюжет²⁰.

Коцебу воспроизвел не эпизод обороны Данцига, а сцену, произошедшую во время подписания капитуляции, когда князь Щербатов наотрез отказался исполнять требования Наполеона. Обстоятельства складывались следующим образом. Зная о двух военных губернаторах Данцига – прусском и русском, Наполеон потребовал, чтобы капитуляцию подписали оба. Щербатов постарался избежать сей участи, но безуспешно. 24 мая 1807 года, оформив сдачу вместе с Калкройтом и комендантом крепости престарелым генерал-майором К. Ф. фон Гамбергером, князь сообщил французскому генералу Друэ д'Эрлону, что хоть он и подписал капитуляцию, подчинившись обстоятельствам, но что касается себя лично, то на требование не воевать с французами в течение года и одного дня должен получить указания от самого императора Александра I. Для этого Щербатов просил выдать паспорт на проезд своему адъютанту, который привез бы ответ. До того момента князь готов был оставаться в плену²¹.

Именно этот эпизод и показан в картине (ил. 2). В большой просторной комнате за столом – прусское и французское командование. На столе – документы о капитуляции, на стене – карта обороны Данцига. О портретной точности изображения присутствующих говорить не приходится, поэтому назовем тех, кто несомненно находился в комнате во время подписания капитуляции. С прусской стороны это были генералы Калкройт и Гамбергер, с французской – генерал Друэ д'Эрлон: именно он, начальник штаба 10-го армейского корпуса маршала Ф. Ж. Лефевра, принял капитуляцию гарнизона. Помимо них за столом и вокруг него Коцебу показал еще нескольких французских офицеров, принадлежащих к разным родам войск. Всеоб-

Ил. 2. А. Е. Коцебу. Капитуляция Данцига в 1807 году. 1839. Инв. № И 1 1457. Государственный исторический музей

щее внимание приковано к князю Щербатову, заявляющему о том, что он лично не может принять требования не воевать против Наполеона. Князь изображен в мундире своего подшефного Костромского полка (полк не участвовал в обороне города) с орденом Святого Георгия 4-й степени. В проеме двери виден верховой гусар, беседующий с пехотинцем, – вероятно, адъютант русского генерала, которому должны выдать пропуск на проезд в русскую ставку в Тильзит. Французский генерал – судя по воспоминаниям Щербатова, это должен быть Друэ д'Эрлон – пытается убедить князя в том, что почетная капитуляция в сложившихся условиях не наносит ущерба его чести. Тот остается непреклонен.

Что же произошло после событий, которые запечатлел Коцебу? На следующий день адъютант князя получил паспорт и выехал к русскому государю. Некоторое время Щербатов оставался в Данциге, но вскоре французское командование предложило ему покинуть город и либо выехать во Францию как военнопленному, либо ожидать

рескрипта Александра I в Дрездене. Князь избрал второй вариант. Он провел в саксонской столице два месяца, рассеивая скуку «прогулками по прелестным окрестностям дрезденским»²². Повеления Александра I он так и не получил, ибо, покидая Данциг, разминувшись со своим возвращавшимся адъютантом. Тот вез ответ императора, который разрешил Щербатову принять на себя условия капитуляции и просил прибыть в Тильзит.

После сражения при Фридланде и заключения Тильзитского мира Алексей Григорьевич в дни, когда император французов пребывал в Дрездене, испросил у него аудиенции и получил дозволение выехать в Россию. По пути в Санкт-Петербург князь повстречался в Мемеле с прусским королем, который наградил его орденом Красного орла²³. Русской награды Щербатов не получил, поскольку находился со своим отрядом отдельно от армии и не был включен в реляции. Некоторым утешением князю служило общественное мнение (которым он, по собственным словам, очень дорожил): история его отказа подчиниться

требованиям французов обрела широкую известность, и в Санкт-Петербурге его еще долго называли «Данцигским».

Следующий эпизод военной жизни Щербатова, запечатленный Коцебу, связан с действиями на другом театре – в Турции, с провальным штурмом крепости Рушук, во время которого князь получил тяжелое ранение. Штурм Рушука (ныне Русе, Болгария) был важным эпизодом кампании 1810 года. Ему предшествовала неудача, постигшая главнокомандующего русскими войсками Н. М. Каменского под другой турецкой крепостью – Шумлой, которой не удалось овладеть приступом. Тогда Каменский, стремясь, по словам Щербатова, «загладить неудачу или ошибку свою быстрым завладением крепости Рушука»²⁴, направил к ней значительные силы в помощь корпусу генерал-лейтенанта А. П. Засса, уже обложившего укрепления. Накануне прибытия Каменского Засс предпринял попытку овладеть одним из бастионов, но потерпел неудачу. Сильный турецкий гарнизон активно сопротивлялся, тревожа русских вылазками.

Каменский с войсками прибыл к Рушуку 9 июля 1810 года. Стремясь устрашить противника, он «подвел свои войска... парадно, с музыкой. Но угроза не удалась, и турки спокойно отказались от сдачи»²⁵. Каменский перегруппировал войска и отдал приказ непрерывно бомбардировать крепость. Несмотря на повреждения, наносимые русской артиллерией, гарнизон не помышлял о сдаче и по ночам устранял последствия дневных обстрелов. «Избалованный счастьем, главнокомандующий 33 лет от роду, пылкий и самоуверенный»²⁶, Каменский не обладал большим запасом терпения. Невзирая на возражения некоторых генералов, он приказал готовиться к штурму и назначил его на 18 июля. Были заготовлены лестницы, достаточно высокие для того, чтобы взобраться из рва на вал (ночью два офицера промерили глубину рва). Однако начался дождь, заставивший главнокомандующего отложить приступ. Непогода продолжалась несколько дней, и за это время турки, для которых приготовления русских были очевидны, углубили ров – высота заготовленных заранее лестниц теперь была недостаточной.

В половину четвертого ночи 22 июля, разделенные на три колонны, войска пошли на штурм. Солдаты получили приказ идти налегке – без ранцев, тесаков и в шапочках. В самом начале штурма из-за облаков вышла луна, ярко осветив происходящее и лишив войска Каменского возможно-

сти атаковать скрытно. По спустившимся в ров противник открыл сильный огонь. Первыми пали офицеры. Немногих охотников, кто кое-как сумел взобраться по коротким лестницам на крепостной вал, турки штыками сбрасывали вниз. Те, кто спустился в город, не получили поддержки и погибли. А. Н. Петров упоминает, что «под валом было устроено множество галерей, выходящих в ров, по которым и двинулись массы янычар, отчаянно ударив на скопившиеся во рву наши войска»²⁷. Атакующие несли большие потери. «Турки поражали войска наше чем только могли – ружейным огнем, белым оружием, бревнами, камнями; взбиравшихся на верх и облежавших вал таскали к себе железными крючьями и обезглавливали»²⁸.

К главнокомандующему поступила просьба отвести войска: неприятель оказался слишком хорошо готов к отражению штурма (что, впрочем, было очевидно и до начала атаки). Генерал-майор граф Я. К. Сиверс, атаковавший в центре, доложил, что «держаться более во рву бесполезно, а овладеть валом невозможно»²⁹. Такие же просьбы следовали от других начальников колонн. Каменский приказал не прекращать атаки и бросить в бой все имевшиеся резервы³⁰. Прибытие подкрепления позволило русским занять центральную часть вала, но лишь ненадолго³¹. Не доверяя докладам начальников колонн, Каменский отправил было к войскам своего адъютанта, но в это самое время турки стали спускаться в ров, и те русские, кто еще оставался там, побежали назад. Только тогда командующий приказал отступить. Участник штурма позднее писал о том, что вылазки части турецкого гарнизона было бы достаточно для полного разгрома русских. К счастью, ее не последовало.

Во время ожесточенного штурма, продолжавшегося четыре с половиной часа, русские войска понесли тяжелейшие потери. Выбыли из строя большинство генералов и офицеров, управлявших штурмовыми колоннами. Один генерал, 78 офицеров и более 3000 нижних чинов убиты. Два генерала, 261 офицер и 4000 нижних чинов ранены тяжело, еще один генерал, 24 офицера и 1077 нижних чинов получили легкие ранения – общая потеря составила 8515 человек³², то есть почти половину из 17 300 пехотинцев и 2600 кавалеристов, назначенных Каменским для штурма.

В воспоминаниях участников штурма подверглись резкой критике действия командующего, напрасно назначившего атаку на недостаточно ослабленную осадой крепость с сильным гарнизо-

ном³³. Каменский же видел причину неудачи лишь в отсутствии должной храбрости нижних чинов своих войск. Об этом он написал и в донесении императору Александру I, и в приказе по корпусу³⁴. Это мнение категорически оспорили офицеры-участники штурма, в том числе А. И. Красовский и П. И. Эссен, впоследствии – генералы от инфантерии. Император утешил командующего: «Нельзя ожидать, что в войне столь обширной... не было иногда неудач»³⁵ – и направил в подкрепление свежую дивизию. Спустя месяц Каменский разгромил турок в сражении при Батине, после чего осажденный Рушук сдался.

В ходе неудачного штурма 22 июля 1810 года генерал-майор князь Щербатов находился на левом фланге, в составе пятой колонны. Общее командование ею осуществлял генерал-лейтенант Уваров, отряд Щербатова – Костромской и Вятский полки – шел впереди, отряд генерал-майора А. Н. Бахметева находился в резерве. Изначально именно Бахметев должен был со своими войсками³⁶ следовать первым, но Алексей Григорьевич (как он позднее вспоминал) уговорил товарища уступить ему свое место. Не стремлением отличиться была вызвана эта просьба, а желанием погибнуть в бою, владевшим тогда князем. Дело в том, что незадолго до того он потерял почти всех родных: в течение трех месяцев один за другим умерли его молодая жена, носившая их ребенка, затем отец и вскорости – мать. «Одиночество мое сделалось нестерпимо; любимые мои прогулки были по кладбищам. Брат и сестра жили в Москве – но все было уже не то. Между тем начались военные действия за Дунаем, война загорелась сильно, я решился ехать к армии не для того, чтоб искать славы, но надеялся найти конец моим мучениям... конец несносной для меня жизни»³⁷.

Князю почти удалось задуманное. В самом начале штурма он, шедший впереди своих двух полков, был ранен пулей навывлет в грудь у левого плеча. Вырезали пулю в спине. Об этом повествует историческая надпись на обороте картины: «Штурм креп. Рушука 1810 года. Ген: майор кн: Щербатов, командуя одной из передовых колонн, получает рану пулей в грудь на вылет при самом спуске в ров». Генерал-майор Бахметев, после этого возглавивший отряд, также вскоре был тяжело ранен – характерный пример того, как русские войска в ту ночь стремительно теряли своих командиров и, соответственно, управление: как писал Михайловский-Данилевский, «от огромной убыли начальников разрушалась необходимая

связь действий»³⁸. На следующий день Щербатов отправился на лечение в Бухарест.

Через шесть недель, когда рана его затянулась, он с разрешения главнокомандующего выехал в Силистрию, где находились остатки его Костромского полка. Там Щербатов обнаружил, что от полка уцелело всего около ста человек. Остальные или погибли, или находились в лазаретах – результат штурма Рушука и последствий болезней, распространившихся в тех местах. В полку осталось после штурма лишь четыре офицера и полковой командир подполковник И. Г. Гейденрейх, который был ранен. Согласно полковой истории, при штурме костромичи потеряли 879 человек – 83 % личного состава³⁹. Князь испросил разрешения отправить полк в тыл, чтобы его сохранить и привести в порядок, и перешел в Хотин. Вскоре, после сражения под Батиным, было заключено перемирие с Портой. В капитулировавшем Рушуке были освобождены из плена два обер-офицера и 16 нижних чинов Костромского полка, считавшиеся убитыми при штурме. Князь Щербатов спустя некоторое время после рушукского дела возглавил 18-ю пехотную дивизию (17 сентября 1810 года). В составе дивизии находился и его Костромской пехотный полк.

В картине «Сцена из Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Взятие крепости Рушук» Коцебу показал начальный этап штурма (ил. 3). Под ярким светом луны идет ожесточенная атака турецкой крепости, разбивающаяся о не менее упорное сопротивление. Основная масса русских уже во рве, под обстрелом турок. Лезущих по лестницам (отчетливо видно, что их высота недостаточна) на стену противник встречает огнем, раненые и убитые падают вниз. Солдаты вытаскивают из огня раненых товарищей. В левой части изображен Щербатов, которому оказывают помощь. Справа на переднем плане – барабанщик. Коцебу внимателен к деталям. Это относится и к изображению обстоятельств штурма в целом, и к некоторым частным моментам – например, русские солдаты запечатлены почти так, как они шли в ту ночь в атаку: без ранцев и тесаков. Старательный художник ошибся в изображении головных уборов. Стремясь показать русских в облегченных головных уборах, Коцебу представил их в фуражках, а должен был – в «шапочках», как и сказано в приказе Каменского⁴⁰.

В завершении рассказа об этой картине следует отметить, что ее современное название – «Сцена из Русско-турецкой войны 1806–

Ил. 3. А. Е. Коцебу. Сцена из Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Взятие крепости Руцук. 1839–1841. Инв. № И I 1625. Государственный исторический музей

1812 годов. Взятие крепости Руцук» – требует уточнения. Как уже было сказано, крепость не была взята войсками Каменского той ночью. Изображен именно штурм Руцука, притом штурм неудачный, обошедшийся русским войскам, и в их числе Костромскому полку и его шефу Щербатову, очень дорого. В «Краткой истории 19-го пехотного Костромского полка с 1805 по 1900 г.» эта работа Коцебу воспроизведена и подписана точно в соответствии с показанными в ней событиями: «Штурм кр.[епости] Руцука 22 июля 1810 г.». Она, как и остальные картины серии, очевидно, создана в 1839–1841 годах⁴¹. Скорее всего, одновременно или вскоре после этого было написано ее повторение. Оно также находится в собрании Государственного исторического музея, имеет точно такие же размеры и с осторожностью приписывается Коцебу⁴².

Следующая по хронологии картина серии – «Взятие Брест-Литовска в 1812 году» (ил. 4). Коцебу написал ее в 1840 году. Она отреставрирована и сдублирована на новый холст⁴³. На оборотной стороне помещена надпись, переведенная в про-

цессе реставрации с авторского холста: «Взятие гор. Брест-Литовскаго 1812 года. Ген. Майор Кн. Щербатов, узнав, что город слабо занят, поспешает с одной конницею своего отряда, чтоб внезапно овладеть городом, с рассветом врывается в оный, прогоняет саксонский отряд, из которого несколько побито, взят в плен ротмистр и 40 улан». В левом нижнем углу – монограмма художника «АК».

Запечатленные Коцебу события произошли 13 (25) июля 1812 года. В начале Отечественной войны генерал-майор Щербатов командовал 18-й пехотной дивизией⁴⁴, входившей в состав корпуса генерала от инфантерии С. М. Каменского 1-го Третьей резервной обсервационной армии генерала от кавалерии А. П. Тормасова. Армия Тормасова находилась на Волыни и служила защитой от действий Австрийской империи. Командующему армией изначально предписывалось или отступить к Киеву (если против него окажется значительно более сильный противник), или атаковать правый фланг главных сил Наполеона, действовавших против Багратиона. В течение первых

Ил. 4. А. Е. Коцебу. Взятие Брест-Литовска в 1812 году. 1840. Инв. № И I 1135. Государственный исторический музей

дней войны Тормасов ожидал, как будут развиваться события. 1 июля из Дрисского лагеря ему передали повеление Александра I: выдвинуться вперед и решительно действовать во фланг и в тыл неприятелю.

Выполняя приказ, Тормасов принял решение выбить неприятельские отряды из Бреста, Кобрина, Янова и Пинска. Против него был направлен 7-й армейский корпус Великой армии под командованием генерала Ж. Л. Ренье. В состав корпуса входили саксонские войска. Для занятия Брест-Литовска и Кобрин неприятель отправил четыре батальона пехоты, три эскадрона кавалерии и восемь орудий – всего около 3000 человек под командованием генерал-майора Кленгеля⁴⁵. Тормасов послал к Бресту два отряда: один под командованием генерал-майора графа К. О. де Ламберта (возглавлявшего кавалерийский корпус Третьей армии), второй – князя Щербатова. Оба отряда должны были разными дорогами подойти к городу и 13 июля совместно ударить по неприятелю, а затем двигаться на соединение с остальной армией к Кобрину, который был следующей целью Торма-

сова. В отряде Щербатова было шесть батальонов пехоты из 18-й пехотной дивизии, восемь эскадронов Татарского уланского полка и полк казаков (по сведениям, приведенным М. И. Богдановичем, это был Евпаторийский конно-татарский полк), а также 12 пушек (у Богдановича 24 – легкой 34-й роты и конной 11-й роты)⁴⁶.

Брест-Литовск был взят практически без боя. В воспоминаниях князя этот эпизод описан весьма кратко⁴⁷. Щербатов сообщил, что 12 июня он узнал, что «австрийцы, занимавшие город Брест-Литовск, оный оставили, а на место их прибыла туда саксонская конница в весьма малом числе». Князь принял решение не дожидаясь, пока к неприятелю подоспеет подкрепление, «немедленно атаковать город сей». Оставив пехоту, он с кавалерийской бригадой полковника Кнорринга и двумя орудиями конной артиллерии направился к Бресту. Малочисленность сотоварищей подтвердил пленный из саксонского патруля, встреченного и рассеянного отрядом Щербатова за несколько верст от города. «Ускорив марш, кавалерия моя в три часа утра, на самом рассвете, ворвалась в город, сбив

передовые пикеты; в бою сем довольно было побито, в плен взят ротмистр, начальник сего отряда, и сорок улан, остальные спаслись бегством – тем начались военные действия незабвенной кампании 1812 года», – завершил рассказ о взятии Брест-Литовска Щербатов. Михайловский-Данилевский, использовавший записки князя в своих трудах, также составил описание этого эпизода⁴⁸. Схожим образом изложены действия отряда князя и у Богдановича⁴⁹.

Одновременно другие отряды, посланные Торماسовым, освободили Пинск и Янов, и 15 июля русские войска с разных сторон подошли к Кобрину: Щербатов и Ламберт от Бреста, сам Тормасов – от Дивина. После ожесточенного боя русские вернули Кобрин. В плен попала большая часть саксонской бригады – более 2300 офицеров и нижних чинов, включая командовавшего ими генерала Г. Х. фон Кленгеля, были взяты орудия и четыре знамени. Успех при Кобрине – первая виктория русских в ходе Отечественной войны – был обеспечен слаженными действиями отрядов Тормасова⁵⁰ и их победами в предыдущие дни.

В своей картине Коцебу изобразил вступление войск Щербатова в Брест-Литовск 13 (25) июля 1812 года. Князь представлен в центре на переднем плане. Победитель на красивом белом коне вступает в город во главе своих войск. Образ Щербатова занимает центральное положение в картине, однако не доминирует в ней. Коцебу гармонично объединил его фигуру с происходящим вокруг действием. Рядом с командиром русского отряда несколько офицеров, позади – густая масса конницы, подступающая к городу по дороге и спускающаяся с окрестных холмов. Судя по униформе и цвету флюгеров, это Татарские уланы – единственный уланский полк в составе армии Тормасова⁵¹. В левом углу картины изображены чины армейской конной артиллерии (судя по расписанию войск в отряде Щербатова, это 11-я рота конной артиллерии) с орудием. Возле городских ворот – трубач-улан и несколько казаков. Один из них атакует двух вражеских солдат, несущих получившего ранение офицера. Солдат поднял руку, показывая, что занят спасением раненого и не окажет сопротивления. Скорее всего, перед нами караул, сметенный внезапно появившимися казаками. Схватка была стремительной. Возле будки лежит один убитый, на земле – брошенные карабин и шляпа, у солдата, держащего ноги раненого офицера, в ножнах нет сабли. Шлагбаум поднят, путь в город открыт. В отдалении, на го-

родском валу, заметна группа отступающих пеших военных: по всей вероятности, это саксонцы, стремящиеся укрыться в городских улицах⁵². Примечательно, что Коцебу не показал в своей картине тех самых саксонских уланов, которых пленил отряд Щербатова⁵³. Исходя из состава корпуса Ренье, это были уланы из полка принца Клеменса в красно-зеленых мундирах.

Сцена вступления русского отряда в Брест-Литовск изображена на фоне безмятежной природы, и вид высокого голубого неба, наполненного розовато-желтым светом восходящего солнца, создает едва ли не умиротворенное ощущение. Можно представить, как выглядела бы эта картина, если бы в ней не были показаны эскадроны русских улан со Щербатовым во главе и застигнутый врасплох неприятель: мирное сонное утро, несколько позевывающих солдат в карауле у городских ворот – типичная военно-бытовая сценка, которых так много писали в XIX веке.

Новая картина, «Бой под Лёвенбергом 17 (29) августа 1813 года» (1840), посвящена боевому столкновению Заграничного похода 1813 года (ил. 5). Оно состоялось в один день с битвой при Кульме, но на другом театре военных действий – в Силезии, где действовала Силезская армия союзных войск под командованием Г. Л. Блюхера. За три дня до того, 14 (26) августа, Блюхер с русскими и прусскими войсками в упорном бою на реке Кацбах одержал победу над французской армией маршала Макдональда. Это поражение оказалось для французов не менее болезненным, чем неудача Вандама при Кульме⁵⁴.

Спустя три дня после битвы на реке Кацбах произошло еще одно боевое столкновение, которое и послужило темой для картины Коцебу. Макдональд еще до главного сражения планировал атаковать Блюхера и отправил для этого в тыл Силезской армии одну дивизию под командованием генерала Ж. П. Пюто⁵⁵. Узнав о проигранном сражении, Пюто стал отступать и дошел со своей дивизией до реки Бобер, находившейся в нескольких километрах от места главной битвы. Он «тщетно покушался навести мост на бурной, разлившейся реке» и «решился обороняться до крайности»⁵⁶ на высотах близ городка Лёвенберг. Преследовавший разбитого противника генерал А. Ф. Ланжерон неожиданно обнаружил французскую дивизию и приказал атаковать ее. Атаку повел 6-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Щербатова при поддержке войск генерал-майора А. Я. Рудзевича. «Князь Щербатов поставил сперва батарею

Ил. 5. А. Е. Коцебу. Бой под Лёвенбергом 17 (29) августа 1813 года. 1840. Инв. № Ж-129. Музей-панорама «Бородинская битва»

во фланг французов, и выждав действие артиллерии, ударил в штыки... Смятые со всех сторон, французы бросались в Бобер; другие притаились по берегу, в оврагах, под деревьями, на деревьях. Невозможность дальнейшего сопротивления побудила Пюто сдать, причем взято 3500 человек и 16-ть пушек. Во время дела отбито 28-м егерским полком 2 знамени», – писал Михайловский-Данилевский⁵⁷. За эту победу Щербатов был награжден орденом Святого Александра Невского.

Коцебу не ставил себе цель изобразить само сражение и представил в картине его финальный эпизод: момент сдачи генерала Пюто в плен⁵⁸. Небо рассеялось, и солнечный свет теплыми пятнами падает на землю, по которой еще кое-где скользят тени от последних дождевых облаков. Действие происходит на берегу реки Бобер, которую не удалось перейти французам. На заднем плане виден разрушенный мост. Слева, на противоположном берегу, – городок Лёвенберг, в правой части – холмы, на которых пытался закрепиться Пюто. Бой закончен. На противоположном берегу еще можно видеть, как кто-то из французов,

кому удалось переплыть реку, сопротивляется переправившимся русским, но это лишь эпизод, последний всплеск остывающей борьбы. К реке спускается новая колонна русских: сопротивление обречено.

Главная сцена представлена на переднем плане картины. Справа, на берегу, князь Щербатов с офицерами и группой казаков, чьи многочисленные пики передают впечатление подступающей густой массы войск, которая срезана краем холста. В самой же группе движение очень сдержанно, а фигура князя и вовсе напоминает монумент. Спокойно сидя на лошади, Щербатов принимает доклад русского офицера о пленении Пюто. Сам генерал, изображенный в центре картины, «возглавляет» группу персонажей, расположенную в левой ее части. Позади Пюто можно видеть плененных французов, а также представителей разных частей русской армии: конных – казака с пикою, башкира в красной меховой шапке, офицера, и пехотинцев, среди которых два солдата с французскими знаменами – это егеря 28-го егерского полка, отбившего в сражении двух

орлов⁵⁹. Группа, расположенная на картине слева, поднимается к Щербатову от реки. Ее энергичное движение завершается в нескольких шагах от русского генерала. Пюто останавливает коня; люди, идущие за ним, сбиваются в плотную группу.

Приветствуя победителя, французский генерал снимает шляпу, слегка наклонив голову. Этот жест – основной смысловой акцент в картине⁶⁰. Коцебу подошел к сюжету весьма изящно, уйдя от прямолинейного и помпезного триумфального изображения: в центральной части картины главной оказывается фигура побежденного противника, а не победителя князя Щербатова. Думается, эта работа могла бы быть названа не «Бой под Лёвенбергом», а «Сдача в плен генерала Пюто после сражения при Лёвенберге». Это кажется тем более справедливым, что самого боя, как уже говорилось, художник не показал.

Пюто, как и положено, изображен несколько ниже своего победителя: встречающий его Щербатов находится на небольшом пригорке. Основные смысловые акценты в картине расставлены почти с математической выверенностью и задают спокойный, мерный ритм композиции. Фигура русского военачальника помещена на равном расстоянии от ее правого края и от фигуры Пюто. На том же расстоянии, но уже позади Пюто Коцебу изобразил трофейные французские знамена, которые несут егеря 28-го полка. Чтобы избежать ощущения статичности, художник наполнил отдельные сцены подчеркнuto энергичным движением. Справа и слева русские офицеры указывают направление движения своим подчиненным; казак, замыкающий группу пленных, поднимается от реки галопом, на другом ее берегу продолжают локальные стычки, да и пика казака, что изображен между Щербатовым и Пюто, резкой и темной линией перерезает гладь успокоившейся реки. Благодаря этим элементам в картине сохраняется ощущение недавней битвы, в воздухе еще витает напряжение. Отметив достоинства этой работы, нельзя не обратить внимание и на некоторые неточности в изображении униформы, а также знамен⁶¹.

Картина была показана на академической выставке 1840 года – единственная из всей «щербатовской» серии – и отмечена большой серебряной медалью⁶². 27 сентября в журнале Совета⁶³ зафиксировано: «Записать в журнал настоящего собрания имена учеников, удостоившихся за представленные работы награды серебряными медалями. Первого достоинства... по живописи

баталической: Александр Коцебу за картину, изображающую сражение при Лёвенберге»⁶⁴.

Следующий эпизод военной жизни князя Щербатова, нашедший отражение в творчестве Коцебу, – сражение при Кёнигсварте 7 (19) мая 1813 года (ил. 6). Картина «Батальная сцена. Сражение при Кёнигсварте» написана в 1839 году⁶⁵. Кёнигсварта, небольшое селение в Саксонии, находится неподалеку от города Баутцен. Напомним, что после неудачи в бою при Лютцене основные силы русско-прусской армии отступили к Дрездену, а вскоре, оставив саксонскую столицу, ушли за Эльбу и далее – за Шпрее и заняли новую позицию у Баутцена. Подход корпуса М. Б. Барклая-де-Толли и резервов усилили союзников, и было решено дать новое сражение Наполеону. Накануне дела при Баутцене произошло крупное столкновение при Кёнигсварте и Вейсиге. При Кёнигсварте русские разбили итальянскую дивизию генерала Пейри, которую Наполеон отправил, чтобы открыть сообщение с шедшим с берлинского направления Неем, а при Вейсиге пруссаки генерала Йорка в течение всего дня доблестно противостояли постепенно подходившим войскам самого маршала.

Сюжет картины Коцебу связан с действиями русских войск. В полночь 7 (19) мая русские и пруссаки под общим командованием Барклая-де-Толли выступили навстречу корпусу генерала Лористона, о подходе которого поступили сообщения от партизан. На тот момент еще было неизвестно, что силы Лористона – это лишь передовые войска подходившей армии Нея. У Барклая-де-Толли было 13 000 человек своего корпуса, 5000 гренадер и 5700 пруссаков Йорка. Русские – колонна Ланжерона – двинулись по левому берегу Шпрее, колонна Йорка – по правому. В час дня авангард получил сведения о том, что под Кёнигсвартой находится дивизия генерала Пейри, и Барклая-де-Толли принял решение атаковать ее. Егеря 22-го полка оттеснили итальянцев к селению, а затем войска князя Щербатова атаковали их со стороны дороги, ведущей к Баутцену, и после боя на улицах Кёнигсварты вытеснили и рассеяли по округе, захватив орудия и много пленных. За победу князь был награжден алмазными знаками ордена Святой Анны 1-й степени и произведен в генерал-лейтенанты⁶⁶. Вскоре после сражения, на дневке, состоялась встреча Щербатова с Александром I, а также с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Российский император «с блестящими похвалами» благодарил князя за службу,

Ил. 6. А. Е. Коцебу. Батальная сцена. Сражение при Кёнигсварте. 1839. Инв. № И 11409. Государственный исторический музей

а союзный монарх приветствовал Алексея Григорьевича «как старого знакомого»⁶⁷.

В воспоминаниях Щербатов писал, что, получив приказ атаковать противника, он двинул дивизию по широкой дороге, проходившей через лес, что простирался почти до самого города. Выступив из леса, русские рассеяли передовой отряд итальянцев, захватили две пушки и по ровному открытому полю «в густых колоннах, стройно и быстро» двинулись к Кёнигсварте. Пейри выстроил было дивизию перед городом, однако она «несмотря на сильный пушечный и ружейный огонь ее, мгновенно была сбита и в беспорядке побежала в город». Князь вспоминал: «...за ними ворвались и мои передовые полки; там неприятель упорно защищался, но штыки мои скоро его вытеснили; резерв, стоящий за городом, также не устоял от них, и все сие разбитое войско нашло только спасение в близ находящемся лесу... И так я с пятью только полками моей 18-й дивизии (шестой оставил я в резерве для прикрытия фланга), имея в деле не более 2500 человек, имел счастье совершенно разбить неприятеля, состоящего из 7000

(это я достоверно узнал из захваченных бумаг, представленных мною начальству)...»⁶⁸ Сетуня на отсутствие у него кавалерии, с помощью которой можно было бы увеличить число пленных, Щербатов свидетельствует о двух плененных генералах, двух десятках офицеров и более тысячи неприятельских солдат. Обстоятельства этой атаки изложены также в трудах Михайловского-Данилевского⁶⁹ и Богдановича⁷⁰. О беспечности итальянцев, не обустроивших позицию и не готовых к бою, красочно повествует автор полковой истории Костромского полка⁷¹.

Сюжет картины связан с одним из эпизодов сражения, а именно – с тем, как в ходе атаки 18-й дивизии на итальянцев князь Щербатов при помощи одних лишь своих адъютантов захватил неприятельское орудие. Этот частный момент не нашел отражения ни в трудах историков, ни в воспоминаниях Алексея Григорьевича. Он описан в «Краткой истории 19-го пехотного Костромского полка с 1805 по 1900 г.»: «Неприятельское орудие было атаковано лично князем Щербатовым и его адъютантами. Не имея прикрытия и будучи

защищено только прислугой, оно было забрано последними и затем передано подбежавшим ротам»⁷². Содержание сюжета воспроизводит и надпись на обороте картины⁷³.

Коцебу изобразил момент захвата неприятельского орудия, уже взятого на передок⁷⁴ и вывозившегося с поля боя. Адъютант вместе с уланом – ординарцем князя – сражаются с орудийной прислугой, в то время как другой адъютант поражает выстрелом из пистолета служащего армейского артиллерийского обоза. Один из итальянцев развернулся к Щербатову. Схватка, надо сказать, идет ожесточенная – о безвольной сдаче орудия речи нет, к тому же изначально артиллеристов было пятеро против четверых русских. На заднем плане справа видны колонны русских, слева показаны отстреливающиеся и отступающие чины дивизии Пейри. Коцебу – в полном соответствии с ходом сражения – изобразил его финальную фазу, когда уже преследовали разбежавшихся итальянцев, выбитых из Кёнигсварты: селение, объятые огнем и дымом, виднеется в правой части картины. Рассматривая это произведение, нельзя не отметить стремление Коцебу показать эпизод сражения объемнее, динамичнее, чем в других работах 1839 года, однако лишь последние две композиции из «щербатовской» серии демонстрируют по-настоящему более зрелое искусство молодого баталиста.

Эти две картины повествуют об эпизодах кампании 1814 года, когда боевые действия велись уже на территории Франции. Внимание Коцебу сосредоточено на взятии города Линьи-ан-Барруа и сражении при Ла-Ротьер. Оба эти события произошли в начале кампании, в январе 1814 года, в ходе наступления союзных армий.

Князь Щербатов в то время командовал 6-м пехотным корпусом, входившим в состав Силезской армии генерал-фельдмаршала Блюхера⁷⁵. Перейдя в новогоднюю ночь через Рейн, Блюхер двинулся вглубь Франции. Уже 2 (14) января отряд принца Бирона Курляндского овладел городом Нанси – столицей Лотарингии. Спустя три дня в Нанси вступил Блюхер и сообщил об этом первом значительном успехе новой кампании императору Александру I. Развивая наступление, Блюхер двинулся к реке Маас и взял город Туль, в котором оставался небольшой французский гарнизон. Вслед за этим авангард корпуса генерала от инфантерии Ф. В. фон дер Остен-Сакена – 6-й пехотный корпус князя Щербатова и легкая кавалерия генерал-лейтенанта С. Н. Ланского⁷⁶ – переправилась через Маас, взял город Линьи-ан-Барруа и затем

направился к городу Бар-ле-Дюк, но вследствие серьезного сопротивления французов 12 (24) января повернул к Сен-Дизье.

Сюжет картины Коцебу – взятие войсками Щербатова 11 (23) января 1814 года Линьи-ан-Барруа, который и в воспоминаниях князя, и в русской исторической литературе XIX века называется Линьи (ил. 7). Подойдя к городу, Щербатов столкнулся с сопротивлением арьергарда французского корпуса маршала Виктора. Князь атаковал. «Чтобы не дать неприятелю времени собраться, он приказал штурмовать Линьи: полкам Псковскому и Софийскому по большой дороге, а двум егерским с правой стороны. Артиллерия с выгодных мест громила город, куда французы сбегались из окрестностей. Наши пехотные полки ворвались на площадь, ударили в штыки и обратили неприятеля в бегство», – писал Михайловский-Данилевский⁷⁷.

Князь Щербатов в своих воспоминаниях более точно назвал находившиеся в его распоряжении войска, а также оставил более подробное описание взятия города. «10 января 1814 года был я отделен от корпуса генерала Сакена с 6-м моим корпусом, к которому присоединилась бригада гусар, три полка казаков и прусский кавалерийский отряд; мне назначено было идти от главного корпуса через города Линьи, Бар-ле-Дюк, Сен-Дизье и соединиться потом с генералом Сакеном при реке Об... Узнавши, что французы находятся в городе Линьи, я сделал нужные распоряжения к наступлению, пошел сам при авангарде... я приказал тотчас атаковать отряд, расположенный впереди города, артиллерия моя расстроила его, а пехота ударила в штыки и вместе с бегущим неприятелем ворвалась в город, сбила с площади городской устроенную на ней колонну пехоты и совершенно очистила город от неприятеля»⁷⁸.

Описание взятия Линьи Щербатов дополнил интересным фактом: князь освободил несколько сот пленных испанцев, содержащихся в городе. Старшим у них был генерал Сото-Майор (так у Щербатова). Освобожденные из плена выразили желание сражаться с Наполеоном. В Нанси, куда, очевидно, Щербатов препроводил испанцев, Блюхер сформировал из них четыре роты, вооружил, и Сото-Майор возглавил это подразделение, влившееся в состав союзных войск. Об этом примечательном случае писали и К. А. Фарнгаген фон Энсе в книге «Жизнь Блюхера, князя Вальштадтского»⁷⁹, вышедшей вскоре после смерти фельдмаршала, и Богданович в «Истории войны

Ил. 7. А. Е. Коцебу. Взятие города Линьи. 1841. Инв. № И I 1455. Государственный исторический музей

1814 года...»⁸⁰ (притом оба ошибочно указали, Богданович вслед за фон Энсе, что уроженцы Пиренейского полуострова были освобождены в Нанси – воспоминания князя Щербатова позволили прояснить этот эпизод). О дальнейшей судьбе этого небольшого отряда нам не известно.

Историческая надпись на обороте картины гласит: «Взятие города Линьи 1814 года 11 генваря. Французы в числе около 13 т. под командою маршала Виктора (Duc de Belune) занимали окрестности и самый город, имея авангард впереди оного. Ген: лейт. кн: Щербатов отряженный от Шлезской армии с его 6-м пех: корпусом и частью кавалерии, опрокинув авангард, и видя неприятеля... (одно слово неразборчиво. – Д. Л.) стекающегося спешно из окрестностей в город, быстро атакует оный и тем предупреждает соединение всех сил. После жаркого сражения перед городом и в улицах город занят. В плен взято 150 человек и освобождены испанские пленные с их генералом, тут содержащиеся».

В картине, написанной в 1841 году, Коцебу представил стремительную атаку войск Щербато-

ва при Линьи. Город еще не взят. Перед окружающей его стеной идет схватка с французами – это место окутывают густые клубы порохового дыма, одновременно русская пехота вступает в городские ворота. Справа ее поддерживают гусары⁸¹. В левой части картины показана группа казаков, готовящихся к атаке⁸². В центре художник поместил своего главного героя. Щербатов изображен верхом на красивой арабской лошади светло-серой масти. В образе князя можно усмотреть легкую лесь художника, который не только выделяет генерала среди многочисленных персонажей, но и будто бы уподобляет его самому Наполеону, во многих картинах запечатленному на арабском жеребце.

Образ Щербатова – образ полководца в стихии войны. Князь руководит взятием французского города: повинуясь его приказам, колонна пехоты атакует справа, кавалерия выстраивается слева. Отдавая приказ кавалерийскому офицеру, Щербатов сдержанным жестом направляет шпагу в сторону Линьи. Позади князя – два его адъютанта и ординарец-гусар. Среди всех картин серии

лишь во «Взятии Брест-Литовска», произведении с близким сюжетом, образ Щербатова имеет схожую подчеркнута торжественную трактовку. Важную роль в картине играет пейзаж – едва ли не впервые в творчестве Коцебу. Невзирая на кипящий у стен бой, городок Линьи-ан-Барруа с его башенками и домами выглядит по-мирному уютно на фоне гор, а тона зимнего французского неба в облаках, меняющиеся от ярко-синего до светло-сиреневого и теплого серого, придают батальной сцене неожиданно поэтические нотки. Спустя много лет художник, уже маститый, столь же поэтично станет показывать итальянские селения и альпийские перевалы в произведениях, посвященных походам А. В. Суворова.

Последняя по хронологии отображенных событий картина из «щербатовской» серии в настоящее время имеет название «Бриенское сражение 1814 года» (ил. 8). Дата ее создания в учетных документах Государственного исторического музея не указана, но, скорее всего, эта работа написана не позже 1841 года. Вернее было бы называть эту картину «Сражение при Ла-Ротьер», поскольку показано именно это событие. Здесь, тем не менее, нет ошибки. Дело в том, что в русской мемуарной и военно-исторической литературе XIX века сражение при Ла-Ротьер нередко называется сражением при Бриенне с уточнением даты – 20 января по старому стилю – в отличие от предыдущего, состоявшегося под этим городом 17 января. Именно так – «Бриенское сражение» – названа соответствующая глава и в воспоминаниях князя Щербатова, которым следовал Коцебу.

Ла-Ротьер – небольшая деревенька, расположенная менее чем в двухстах километрах от столицы Франции и в семи – от города Бриенн-ле-Шато, где 17 (29) января 1814 года потерпел неудачу и едва не попал в плен Блюхер. После этого Силезская армия отступила на Транские высоты, где соединилась с Богемской армией фельдмаршала К. Ф. Шварценберга. Затем, по настоянию Александра I, французам было дано новое сражение при Ла-Ротьер. Оно принесло союзникам победу.

Сражение это состоялось 20 января (1 февраля) 1814 года. Союзными войсками командовал Блюхер. Имея почти трехкратное превосходство и в людях, и в артиллерии, союзники повели атаку полукругом с нескольких направлений. Деревня Ла-Ротьер находилась в центре неприятельской позиции, и ее атаковали русские корпуса: 11-й пехотный генерала Ливена, 6-й пехотный генерала Щербатова и 9-й пехотный генерала Олсуфье-

ва 1-го, а также кавалерия 2-й гусарской дивизии и 2-й драгунской дивизии и прусские партизаны принца Бирона Курляндского. В начале сражения Ла-Ротьер атаковала 2-я гусарская дивизия под командованием генерал-лейтенанта И. В. Васильчикова. Французская конница отразила эту атаку, русские отступили. В этот момент начальник артиллерии войск Остен-Сакена генерал А. П. Никитин, доукомплектовав артиллерийские запряжки дополнительными лошадьми, чтобы быстро преодолеть раскисшую от непогоды местность, вывез 36 пушек далеко вперед, на расстояние километра от Ла-Ротьер, и открыл огонь по неприятелю. Французская кавалерия генерала Нансути, видя, что русские орудия не имеют должного прикрытия, атаковала. Никитин, однако, подпустив противника на триста саженей, открыл по нему огонь ядрами и картечью. Французы понесли тяжелые потери и отступили, русские же пехота и кавалерия, наступая вдоль дороги, ведущей от Транна, к тому времени достигли позиции своих артиллеристов. Пошел густой снег, совершенно скрывший неприятеля из вида, и на некоторое время пушки смолкли...

Около трех часов пополудни начался штурм Ла-Ротьер, которая была ключом позиции Наполеона. Русские полки шли в атаку с развернутыми знаменами, барабанным боем и музыкой. Днепровский пехотный полк, находившийся в голове колонны князя Щербатова, наступал с песней. Корпус Ливена двигался на саму деревню, корпус Щербатова – немного правее, на самый центр неприятельской позиции, который защищала большая батарея из 28 (по другим источникам из 24) орудий. Чтобы не замедлить атаку перестрелкой, Щербатов свернул цепи стрелков и при поддержке кавалерии сразу повел штыковую атаку. В Ла-Ротьер французы держались стойко и пока успешно отражали атаки русской пехоты. По приказу Барклая-де-Толли из второго эшелона на помощь Ливену и Щербатову (полки его корпуса имели в составе всего по одному батальону) прибыли пять полков гренадер из 2-й гренадерской дивизии И. Ф. Паскевича. Гусарам Ланского и драгунам Панчулидзева (они двигались правее пехоты Щербатова) удалось отбросить французскую конницу, прикрывавшую орудия, зайти в тыл противнику и вместе с частями 6-го корпуса овладеть большой батареей. В этой атаке особенно отличились Мариупольский гусарский полк и Курляндский драгунский. После этого одна из дивизий Щербатова – 7-я – осталась на батарее, а другая, 18-я, а также

Ил. 8. А. Е. Коцебу. Бриенское сражение 1814 года. До 1841. Инв. № И I 1445. Государственный исторический музей

9-й корпус, 2-я гренадерская дивизия и бригада австрийских войск развернулись на помощь корпусу графа Ливена и вместе с его полками вновь атаковали Ла-Ротьер. После упорнейшего боя, к семи часам вечера, деревня была взята, однако спустя два часа атакована французами. Наполеон ввел в бой за центр своей позиции Молодую гвардию, и гвардейские тиральеры прорвались до деревенской церкви. Тогда Паскевич контратаковал гренадерами Астраханского и Малороссийского полков и вместе с пехотой русского 9-го корпуса и австрийцами вновь вернул Ла-Ротьер. После этого Наполеон, понимая, что отбить деревню не представляется возможным, приказал генералу Друэ сжечь ее огнем артиллерии и тем прикрыть отступление своих войск. Русские и австрийцы оставили пылающую Ла-Ротьер.

Победа в сражении принадлежала союзникам. В течение этого дня французы были вытеснены со всех своих позиций, кроме Дьенвиля на правом фланге (отсюда они отступили уже почти ночью). Потери оказались сопоставимы – около 6000 человек с обеих сторон⁸³, но для союзных

армий, гораздо более многочисленных, они были не столь чувствительны, как для Наполеона. Поражение, нанесенное Наполеону на территории Франции, чрезвычайно высоко оценил император Александр I – и инициатор сражения, и его свидетель: «„Что после этой победы скажут в Париже?“», заметил государь, уезжая с поля сражения на ночлег в Бар-сюр-Об»⁸⁴. Щедрые награды получили русские генералы, снискавшие славу на поле боя: на Остен-Сакена император возложил собственные знаки ордена Святого Андрея Первозванного, Васильчиков и Щербатов были награждены орденом Святого Георгия 2-й степени⁸⁵, Ливен – орденом Святого Александра Невского, а Барклай-де-Толли, командовавший резервом, – золотой шпагой с алмазами и лаврами. Несколько русских полков, среди них и полки корпуса князя Щербатова, получили коллективные награды⁸⁶. Для награждения нижних чинов в полки было распределено некоторое количество знаков отличия Военного ордена.

Картина, написанная Коцебу на сюжет сражения при Ла-Ротьер, изображает атаку войск

6-го пехотного корпуса и кавалерии на 24-пушечную батарею французов. На оборотной стороне – историческая надпись, раскрывающая суть сюжета: «Бриэнское сражение 1814 января 20. Ген: лейтенант кн: Щербатов с 6-м пех: корпусом атакует главную батарею и обще с кавалериею под командою ген: адъютанта Васильчикова сбивает французов с позиции, овладев батареею, и тем решается сражение, в котором находился сам Наполеон. В плен взято более 5 т. и 80 пушек, а одним 6-м корпусом – более 30. Под к: Щербатовым ранена лошадь картечью. За сие сражение к: Щербатов награжден орд: Св. Георгия 2го класса».

Принципиально картина схожа со «Взятием города Линьи». Коцебу использовал ту же композиционную схему: на переднем плане в центре изображен главный герой – князь Щербатов, рядом с ним группа офицеров и казак, а слева и справа навстречу сражению густой массой движется пехота и кавалерия. Князь меняет лошадь: вместо своей раненой садится на лошадь ординарца. Об этом эпизоде, произошедшем в тот момент, когда войска 6-го корпуса и кавалерия атаковали большую французскую батарею, сохранилась запись в воспоминаниях Щербатова: «Колонна моя, приблизясь к неприятелю, пошла на штыки, невзирая на осыпающие ее картечи, которые ранили мою лошадь в голову, а как заводной вблизи не случилось, я сел на гусарскую из-под ординарца»⁸⁷. Ординарец-гусар изображен рядом, он расстегивает подпругу, чтобы снять седло с убитой лошади командира. В «Истории 19-го пехотного Костромского полка...» в подписи под воспроизведением картины указано, что князь взял казачью лошадь: «Сражение при Ла-Ротьеры 20 января 1814 г. 6-й корпус атакует 24-х пушечную батарею. Потеряв убитую лошадь, князь Щербатов садится на казачью» – однако это не так. Судя по цвету ментика гусара, по цветам вальтрапа его лошади, ординарец генерала служил в гусарском Александрийском полку. Один из эскадронов этого полка изображен в правой части картины. На гусарах черные ментики с белыми шнурами и белой опушкой, надетые по-зимнему в рукава. Офицера, ведущего эскадрон, отличают изображения двуглавых орлов на ташке и на лядунке. Александрийский полк входил в состав 2-й гусарской дивизии генерала Ланского. Художник немного преждевременно показал штандарт александрийцев с георгиевской лентой. Георгиевский штандарт полк получил позднее, за отличие в войне с Турцией 1828 года, а за сражение при Бриенн-ле-Шаго, состоявшееся

за три дня до Ла-Ротьер, был награжден серебряными трубами. Принадлежность пехоты, одетой в шинели, к какому-либо полку 6-го корпуса определить не удалось.

Рядом со Щербатовым изображены офицеры. Один из них состоит в Ахтырском гусарском полку: он представлен в коричневом с золотыми шнурами ментике и фуражке. Другой, с золотым аксельбантом, – адъютант. Судя по шитью на воротнике (пусть и показанному весьма условно) и андреевским звездам, украшающим чушки и вальтрап, он из гвардии и, возможно, прибыл к Щербатову от Барклая-де-Толли, командовавшего резервом. Наполовину скрыт его фигурой еще один офицер. Коцебу старательно проработал и задний план картины, изобразив по центру большую французскую батарею, слева – деревню Ла-Ротьер и атакующие ее пехотные колонны корпуса графа Ливена.

Эта картина завершила серию, созданную для князя Щербатова. Работа над ней стала для Коцебу прекрасной возможностью развить свои навыки баталиста. Картины убедительно демонстрируют, как художник переходил от довольно простых композиций к более сложным, с течением времени исправляя недостатки своей кисти в изображении людей, лошадей, как росло его понимание значения пейзажа. Повествования о сражениях становятся содержательнее от картины к картине. Очевидно стремление художника показать представителей разных частей, участвовавших в боевых действиях, объединив их в общей сцене. Такой подход будет характерен и для позднейшего творчества Коцебу. Далеко не во всех картинах на переднем плане изображена собственно схватка. Как правило, она показана в отдалении, так что зритель имеет возможность скорее внимательно рассмотреть идущие в битву войска, которыми предводительствует главный герой серии, чем насладиться горячей стихией боя. У переднего края Коцебу обычно живописно размещает убитых и раненых – традиционный «баталический» стаффаж, тут и там лежат детали обмундирования, оружие и т. д. Некоторые картины весьма схожи по характеру – например «Взятие Брест-Литовска» и «Бой под Лёвенбергом»: ни в одной, ни в другой собственно боевые действия не показаны ни вблизи, ни вдали, но Коцебу достиг своей главной цели и убедительно представил Щербатова победителем. Близки по замыслу и по композиции «Взятие города Линьи» и «Сражение при Ла-Ротьер».

Для молодого баталиста создание серии стало большим успехом. Неофициальный заказ А. Г. Щербатова принес ему известность. Сам князь, очевидно, был очень доволен результатом, поскольку в последующие годы Коцебу написал еще несколько картин по заказам частных лиц. Как и в случае с произведениями из «щербатовской» серии, некоторые из них засчитывались ему в качестве учебных работ – это две картины, принесшие художнику малую (1843) и большую (1844) золотые медали. Как показали исследования, обе они были заказаны семьей покойного графа К. Ф. Толя, а их сюжеты связаны с яркими эпизодами военной службы прославленного генерала – сражением при Кулевче в 1829 году и взятием Варшавы в 1831 году⁸⁸. Чуть ранее, в 1842 году, Коцебу написал большую картину для еще одного видного военачальника – генерала И. Н. Скобелева, в то время коменданта Петропавловской крепости, известного также своими литературными трудами, которые он публиковал в столичных журналах под псевдонимом «Русский инвалид». Картина повествует о сражении при Реймсе в 1814 году, создана вне программы, но была показана на академической выставке⁸⁹. Ныне она хранится в собрании Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника⁹⁰. «Сражение при Кулевче» и «Взятие Варшавы» в 1892 году были приобретены по высочайшему повелению для Зимнего дворца у графини Толь, помещены в залах батальных картин, а спустя некоторое время после революции выданы из Эрмитажа. Их местонахождение неизвестно.

Таким образом, с 1839 года и до окончания Академии деятельность Коцебу носила характер, не совсем обычный для рядового ученика. Был ли это единичный случай, обусловленный умениями молодого художника? Можем ли мы говорить о существовании некоей в той или иной степени распространенной практики работы подопечных профессора А. И. Зауервейда над подобными заказами? Ответы на эти вопросы должны дать дальнейшие исследования, поскольку подобные случаи не находили отражения в документах Совета Академии художеств и сведения о них обнаруживаются эпизодически и в целом случайно в архивах, инвентарных книгах музеев, а также публикациях того времени. Так или иначе, «щербатовская» серия – несомненно, примечательный эпизод в истории академического батального класса и в раннем творчестве А. Е. Коцебу.

¹ В конце жизни князь был московским военным генерал-губернатором. В 1843 г. он временно исправлял эту должность в связи с болезнью Д. В. Голицына, а с апреля 1844 г. был утвержден в ней и оставался главой Москвы почти до самой смерти в 1848 г.

² Автор посвященной Коцебу статьи в «Русском художественном листке» отметил: «Будучи еще учеником Академии, он написал уже для князя Щербатова... целый ряд картин, изображавших эпизоды из... военной жизни» (А. Е. Коцебу // Русский художественный листок. 1858. № 10. С. 4). Судя по отсутствию документов в академическом архиве, заказ мог поступить в виде предложения, вероятнее всего устного, от самого князя Щербатова, и его должен был исполнить кто-либо из способных учеников батального класса. Коцебу, хоть и проучился в Академии к тому времени лишь два года, уже был отмечен императором и награжден малой серебряной медалью и был вполне готов к такой работе.

³ Богданович В. Краткая история 19-го пехотного Костромского полка с 1805 по 1900 г. Житомир, 1900.

⁴ Там же. С. 298.

⁵ Там же. С. 286.

⁶ Автор хотел бы искренне поблагодарить коллег, чье внимание и доброе отношение позволили провести исследование картин «щербатовской» серии: главного хранителя отдела изобразительного искусства Государственного исторического музея Е. М. Букрееву, хранителя фонда живописи Государственного исторического музея Н. М. Аринич, заместителя директора музея-панорамы «Бородинская битва» В. В. Павленко, доктора искусствоведения О. В. Шереметьева, научного сотрудника Государственного Эрмитажа П. В. Сулова.

⁷ Относительно недавно эти записки изданы отдельной книгой: Щербатов А. Г. Мои воспоминания / вступ. ст. и коммент. О. И. Киянской, подготовка текста А. А. Ширяевой. СПб., 2006.

⁸ На рукописные «Записки» князя ссылался в 1900 г. и автор полковой истории Костромского полка В. Богданович: Богданович В. Указ. соч. С. 288.

⁹ В распоряжении Голицына, командовавшего 4-й дивизией, находились его полки – Костромской мушкетерский, Орденский кирасирский и Псковский драгунский, – 18 орудий. Накануне сражения к ним присоединились «отделившиеся от своих дивизий» Днепровский мушкетерский, Таврический гренадерский, Малороссийский кирасирский полки, а также два эскадрона Сумских гусар. Отступая перед французами, опасаясь окружения, 14 декабря Голицын прибыл в Голымин. Здесь его отряд, измотанный ночным маршем по раскисшим дорогам, оставивший половину артиллерии, дополнили два полка из 7-й дивизии Д. С. Дохтурова: Московский мушкетерский и Московский драгунский. С этими силами Голицын в течение всего дня держал оборону от наступавших войск маршалов Ожеро, Даву, а затем и Сульта, с корпусом которого к Голымину прибыл сам император французов. Успешные действия русских войск во многом были обеспечены подавляющим превосходством в артиллерии, неожиданным подходом подкреплений в середине дня. Тем не менее к вечеру стало ясно, что долее держаться нет возможности: к французам подходили свежие силы – пусть и не столь скоро из-за пришедших в совершенную негодность дорог, и Голицын отступил. Его войска провели весь день в жарком бою, который утих лишь к десяти часам вечера, и, оставив Голымин, избежали участи быть раздавленными превосходящими силами противника назавтра. Отрезать путь отступления Голицыну в наступившей темноте французы не смогли.

¹⁰ Сам князь вспоминал о событиях того дня: «Надобно заметить, что полк мой состоял весь из молодых солдат, не бывавших еще в делах, так же ни один штаб- и обер-офицер, подобно мне, войны еще не видал... Страх, подобно электризму, мгновенно перешел от головы до конца колонны, полк мой... смешался. Видя постыдное отступление сей расстроенной толпы, я подсказал к бегущим передовым знаменам моего полка, соскочил с лошади, взял одно знамя, побежал с ним до того места, где надлежало выстроиться отряд, все прочие знамена моего полка немедленно последовали за мною, а за ними и расстроенные мои батальоны, дойдя с ними до линии построения, я приказал адъютантам расставить знамена на батальонные дистанции, а людям примыкать к оным по принадлежности, что и было немедленно исполнено, прочие полки тотчас последовали за моим и чрез то мгновение беспорядок был исправлен; сим было доказано, что не трусость, но неопытность людей была причиной минутного замешательства, я почел себя счастливым, что в первом моем деле мне удалось предохранить себя и войско, мне вверенное, от стыда. Сим моим движением неприятель был остановлен до ночи...» (*Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 46, 47).

¹¹ *Богданович В.* Указ. соч. С. 26, 27.

¹² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. С. 119.

¹³ *Шиканов В. Н.* Первая польская кампания, 1806–1807. М., 2002. С. 66.

¹⁴ Отметим, что в своих мемуарах Щербатов пишет, что оно произошло в январе 1807 г. Это неточно: первые боевые действия Костромского полка и его шефа против наполеоновских войск состоялись 14 (26) декабря 1806 г.

¹⁵ В сражении при Голымыне Костромской полк потерял убитыми одного офицера и 37 нижних чинов, ранеными 12 офицеров и 134 нижних чина. 194 человека пропали без вести. Во французский плен попал подпрапорщик Преславский (*Богданович В.* Указ. соч. С. 28, 29).

¹⁶ Художник верно изобразил мундиры чинов Костромского полка – с зелеными воротниками и обшлагами (неточно передан мундир барабанщика: крыльца должны быть зеленого, а не красного цвета – красный цвет имели барабанщики в гвардейских полках, а галун – чисто белым), но в целом и униформа, и снаряжение показаны на более позднее время, примерно на 1810–1811 гг. Так, головным убором в армейской пехоте того времени (1806) служила высокая суконная шапка почти цилиндрической формы у гренадер – с высоким широким султаном, которых художник не изобразил. Только в 1807 г., то есть вскоре после представленного в картине сражения, эти шапки были заменены киверами из черной кожи, которые в 1812 г. получают «развал», и именно такие кивера показал Коцебу в картине. Этикет, украшающий головные уборы нижних чинов Костромского полка, был введен только в 1809 г. У гренадера, подхватывающего раненого знаменщика, этикет закинут за репеек: именно так позднее делали на походе (но не в бою), чтобы украшение не мешало. Красные репейки стали обозначать принадлежность изображенных к гренадерскому взводу гренадерской роты первого батальона с 1811 г., а в день сражения при Голымыне они были иными и по цвету (у гренадер – белая со светло-зеленым центром), и по форме, трехгоневая гренада появилась на киверах армейских гренадер только после 1807 г. (до этого должна быть кокарда из черно-оранжевой ленты и маленькая гренада под ней). Фуражка с козырьком, прикрывающая голову А. Г. Щербатова, была введена только в 1811 г. (тогда же для нижних чинов ввели беско-

зырку, и именно такой головной убор предпочитали на походе и офицеры). Коцебу неточно изобразил погоны нижних чинов – верно по цвету, но шифровки с обозначением номера дивизии на них быть не должно – она появится позже, а погоны князя, обшитые галуном, показаны верно. Не совсем достоверно передана прическа солдат – косы, укороченные вскоре после вступления Александра I на трон, с 1807 г. были упразднены. Ошибочно изображена обувь: при Голымыне это должны быть высокие сапоги, так как зимние панталоны с пришивными кожаными крагами, представленные Коцебу, введены только в 1807 г. Неточности касаются и изображения снаряжения: состоявшая на вооружении пехоты шпага с тесачным клинком носилась в 1806 г. еще на поясной португее, а не на тесачной перевязи, нижние чины имели иные ранцы – не прямоугольной, а цилиндрической формы, из черной кожи, надевавшиеся через одно плечо (рядовые и унтер-офицеры носили их по-разному), патронная сума, которую видно у заряжающего ружье солдата на втором плане, должна иметь бляху с двуглавым орлом, а у гренадер – четыре гренадки по углам, Коцебу же показал крышку сумы гладкой. Наконеч, ружья, которыми вооружены нижние чины, должны быть образца 1798 г., а представлены – 1809 г.

¹⁷ *Звегинцов В. В.* Знамена и штандарты русской армии XVI в. – 1914 г. и морские флаги. Париж, 1964. С. 37, 38.

¹⁸ Численность его по разным источникам составляла от 15 000 до 17 000 человек.

¹⁹ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 50.

²⁰ Надпись гласит: «Капитуляция кр: Данцига. 1807 год. Креп: Данциг после двухмесячной осады и 30-тидневного бомбардирования, истощив все средства к защите, принуждена была сдаться на капитуляцию. Осаждающая армия состояла из 50 т., а гарнизон в начале осады 17 т. (при сдаче же не более 8 т.). Русских было 3 гарнизонных батальона и 3 казачьих полка. Ген: майор кн: Щербатов командовал ими и был назначен от короля прусского вторым военным губернатором. Прусский ген: от кавалерии граф Калкрейт был главнокомандующим. Кн: Щербатов исключает себя из условий: не служить против французов один год и остается в виде пленного в надежде быть раменным».

²¹ «Мне казалось несносным, – вспоминал позднее князь, – видеть имя мое в капитуляции. Слово сие было ново для русских. Мы брали крепости, но никогда в новейшие времена не бывали в осадах. Я решился, чего бы ни стоило, избавить по крайней мере себя одного от исполнения условий» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 288, 289).

²² *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 59.

²³ Такой же орден получил за оборону Данцига комендант фон Гамбергер, а фон Калкройт был произведен в генерал-фельдмаршалы и по указанию Александра I награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

²⁴ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 68.

²⁵ *Богданович В.* Указ. соч. С. 51, 52.

²⁶ *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 3. СПб., 1887. С. 100.

²⁷ Там же. С. 104.

²⁸ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года. Ч. 2. СПб., 1843. С. 61.

²⁹ *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 104, 105.

³⁰ В ходе этих атак четверть пулями был убит граф Сивер, призывавший остановить штурм.

³¹ А. Н. Петров пишет об этой фазе штурма: «Турки обратили сюда главные усилия своих войск. Одни устремились на вал, другие по галереям в ров, поражая стоявшие там

на лестницах, так сказать, со связанными руками, наши войска. Картина была страшная. Те части войск, которые не успели спуститься в ров, видя его наполненный трупами товарищей, залегли на эскарпе, не решаясь идти далее, и терпели сильные потери от стоявшего на валу неприятеля. В это время к главнокомандующему прибыл, посланный генералом Зассом, майор Красовский с донесением, что на правом фланге атаки держаться долее нет возможности, и что половина людей уже выбыла из строя, а остальные терпят страшные потери во рву и на валу. Поэтому Засс спрашивал: «не угодно ли будет возвратиться с атакованных пунктов оставшихся еще живыми людей». – «Я уверен, отвечал гр. Каменский, что в числе лежащих на валу большая часть здоровых и не раненых. Они испугались и не хотят броситься в крепость». – «Я сам был на валу и отвечаю, что там нет ни одного живого», сказал Красовский» (*Петров А. Н.* Указ. соч. С. 105).

- ³² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Турецкой войны в царствование императора Александра... Ч. 2. С. 63.
- ³³ Князь Щербатов писал: «Сия ужасная и бесполезная потеря людей тем более чувствительна, что не было основательных причин прекратить начатую формальную осаду, переменить верное на неверное, предоставив случайной удаче и грубой силе то, что можно было приобрести искусством с некоторым терпением. По важности сего предприятия следовало главнокомандующему созвать военный совет, и, вероятно, нашлись бы твердые и опытные начальники, которые отсоветовали бы ему ставить на карту участь 8 тысяч людей и успех целой кампании, но самолюбие и непопулярная самонадеянность графа Каменского не позволяла ему принимать ничьих советов, он ослеплен был быстрым и более счастливым, нежели на отличных достоинствах основанном возвышением на степенях главнокомандующего. После сей неудачи не оставалось ему ничего другого, как содержать крепость в тесной блокаде» (*Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 69).
- ³⁴ Слова приказа главнокомандующего приводит А. И. Михайловский-Данилевский: «Воины Рушукского корпуса! Вы сами виноваты в сей неудаче и в большой потере товарищей ваших. Некоторые из вас поступали храбро, большую же часть обуял страх. Вы не сдержали данного мне слова, не слушались наставлений, которые я вам давал, и за то наказаны значительною потерей. Начальники ваши, генералы, штаб- и обер-офицеры, показывали вам собою пример, идя впереди вас. Все, что есть опасного в штурме, вы превозмогли, дошли до самого верха, но далее не смели идти...» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Турецкой войны в царствование императора Александра... Ч. 2. С. 64).
- ³⁵ Там же. С. 68.
- ³⁶ Под командой Бахметева находились Сибирский гренадерский и 28-й егерский полки, батальон Волинского уланского и 200 казаков (Там же. С. 57).
- ³⁷ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 67, 68.
- ³⁸ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Турецкой войны в царствование императора Александра... Ч. 2. С. 60.
- ³⁹ Потери Костромского полка составили: генералов – один, штаб-офицеров – три из четырех, обер-офицеров – 26 из 30, унтер-офицеров – 48 из 64, музыкантов – 16 из 36 и строевых – 785 из 926 (*Богданович В.* Указ. соч. С. 55). Судя по тому, что в Силистрии Щербатов обнаружил лишь не более сотни человек своего полка, из оставшихся в живых после штурма около половины унесли болезни.
- ⁴⁰ Шапочка – это фуражная шапка в форме колпака с кисточкой. Такие шапки, шившиеся из старых мундиров, были частью обмундирования нижних чинов в русской

армии до 1811 г., когда на смену им пришли фуражки без козырька (у офицеров – с козырьком).

- ⁴¹ Подтверждение этому находим в примечании № 79 к «Краткой истории 19-го пехотного Костромского полка...». В нем о «Штурме крепости Рушук» сказано следующее: «По картине, имеющейся в офицерском собрании полка, подаренной полку князем Щербатовым» (*Богданович В.* Указ. соч. С. 286). Таким образом, выявлено и бытование этой работы в середине – второй половине XIX в., и ее датировка: князь скончался в 1848 г., соответственно, она была создана до этого времени. По документам Государственного исторического музея время написания картины – 1840-е гг.
- ⁴² По документам Государственного исторического музея повторение датируется 1840-ми гг.
- ⁴³ О реставрации картины см.: *Козак Ю. Г.* Реставрация и атрибуция картин для вновь созданного музея Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы междунар. науч. конф. / сост. А. В. Горбунов. Бородино, 2014. С. 198–209.
- ⁴⁴ В составе 18-й пехотной дивизии находились полки: Тамбовский и Владимирский (бригада генерал-майора Бенардоса), Днепровский и Костромской (бригада генерал-майора князя Хованского), 28-й и 32-й егерский полки (бригада генерал-майора Мещеринова). См.: *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 501.
- ⁴⁵ Там же. С. 317, 318. Принадлежность пехоты и кавалерии к конкретным полкам не указана.
- ⁴⁶ Там же. С. 319.
- ⁴⁷ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 73, 74.
- ⁴⁸ «Князь Щербатов 12-го вечером, подходя к Бресту, узнал, что там находится небольшой отряд саксонской конницы, и решился, не ожидая графа Ламберта, атаковать Брест. Он оставил пехоту назади, а с кавалериею поспешил вперед, ворвался ночью в Брест и захватил в плен начальника саксонского отряда и 40 уланов» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1839. С. 367).
- ⁴⁹ «12-го (24-го) июля князь Щербатов... узнал, что Брест был занят весьма слабым саксонским отрядом, и потому оставя свою пехоту на половине дороги к городу, под начальством генерал-майора Бенардоса, двинулся поспешно далее с кавалерийскою бригадою полковника Кнорринга и с двумя конными орудиями. 13-го (25-го), в три часа пополудни, наша кавалерия, ворвавшись в город, рассеяла два саксонских эскадрона, там стоявшие, при чем было захвачено в плен более сорока человек; прочие же почти все истреблены» (*Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 320, 321). Достоверно описав события, Богданович ошибся в указании времени вступления Щербатова в город: это произошло в три часа пополудни, а не пополуночи.
- ⁵⁰ За победу при Кобрине А. П. Тормасов был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени.
- ⁵¹ Литовский уланский полк, по расписанию входивший в состав 14-й бригады 4-й кавалерийской дивизии корпуса Каменского, находился тогда в составе 2-й Западной армии.
- ⁵² Не совсем ясно, какому именно полку саксонских войск принадлежит и эти, и показанные на переднем плане солдаты противника. О. В. Шереметев обратил внимание автора на то, что солдаты и раненый офицер, находящиеся возле караульной будки, похожи на обозников, но чины обозных частей саксонской армии не носили униформу, какая представлена в картине. В отношении саксонских пехотинцев, расположенных возле крепостного вала, нужно сказать, что они изображены в форме,

- которая носилась в корпусе Ренье. Но о пехотных подразделениях саксонцев в Брест-Литовске ни Щербатов, ни русские военные историки не упоминают.
- ⁵³ У самого Щербатова и вслед за ним у Михайловского-Данилевского в описании взятия Брест-Литовска указано, что отряд князя пленил ротмистра (скорее всего, именно его художник показал раненым на переднем плане) и 40 улан. Однако ни один из трех полков легкой кавалерии, входившей в состав корпуса Ренье: ни гусарский, ни уланский принца Клеменса, ни легкоконный фон Поленца, – не имел таких мундиров, какие изобразил Коцебу.
- ⁵⁴ Блюхер и Макдональд искали сражения, их армии двигались навстречу одна другой и, наконец, столкнулись, причем весьма неожиданно: уже несколько дней шли сильные дожди и стоял туман, скрывавшие перемещение войск. Стремясь занять наиболее выгодную позицию для атаки, французы перешли реку Кацбах близ города Кройч и оказались перед войсками союзников (которые, к слову, также предполагали форсировать Кацбах примерно в том же месте – чтобы атаковать Макдональда). В ходе разыгравшегося под проливным дождем сражения войска Блюхера разбила французам, причем исход дела решила блестящая атака русской кавалерии. Противник стремительно отступал к недавно переиданным переправам, однако непогода сыграла на руку союзникам: реки Кацбах и Нейссе сильно разлились, вода снесла мосты, и французы не могли переправиться обратно. Многие погибли в воде, многие сдались в плен. В день битвы и потом, преследуя противника еще три дня, войска Блюхера захватили 18 000 пленных, два знамени, более 100 орудий, обозы.
- ⁵⁵ Жак Пьер Мари Луи Жозеф Пюто (1769–1837), дивизионный генерал в Великой армии. В сражении при Лёвенберге командовал 1-й пехотной дивизией 5-го корпуса генерала Лористона и был взят в плен. После отречения Наполеона пользовался благосклонностью Бурбонов. Король Людовик XVIII пожаловал ему титул виконта.
- ⁵⁶ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года. Ч. 2. СПб., 1840. С. 29.
- ⁵⁷ Там же. С. 29, 30.
- ⁵⁸ На обороте картины, сдублированной на новый холст, воспроизведена (с некоторыми ошибками) историческая надпись, повествующая о запечатленном сражении. Надпись частично скрыта подрамником. Ниже приведены те фразы, которые удалось прочитать, исправив некоторые ошибки, совершенные при воссоздании надписи на новом холсте: «Сраж: при гор. Левенберге 1813 17 августа. После поражения маршала Макдональда при реке Кацбах французская дивизия Пюто, действуя отдельно на правом фланге, спешит (далее – „очевидно на соединение“. – Д. Л.) с разбитым корпусом... Ген: лейтенант Щербатов подоспевает с 6 корпусом, атакует его при переправе и совершенно расстраивает. Все, что не потонуло, взято в плен: сам генерал Пюто, 100 штаб- и обер-офицеров... ..тысяч чинов, 16 пушек и 2 орла (другие два найдены в реке)».
- ⁵⁹ Два знамени (146-го и 148-го полков) были отбиты поручиком Калинным и прапорщиком Богдановым из 28-го егерского полка. В картине художник изобразил, что знамена несут нижние чины этого полка. Всего русские войска захватили трех орлов – 134-го, 146-го и 148-го полков французской линейной пехоты. Благодаря О. В. Шереметьева, сообщившего эти подробности. Щербатов же в своих воспоминаниях указал, что трофеями его виктории были не два, а четыре знамени, два из которых были найдены в реке (*Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 88).
- ⁶⁰ С центральной осью картины совпадает рука генерала, которой он снимает шляпу. Его шляпа немного не

- перекрывает аркаду моста, того самого, через который французам не удалось отступить: капитуляция таким образом предстает двойной – перед русскими и перед силами природы. На этот мост «указывает» и пика казака, останавливающего движение лошади Пюто.
- ⁶¹ Например, на патронных сумах русских егерей отсутствуют накладные медные цифры, которые должны обозначать номер полка (в нашем случае 28-й), кивер русского гусара непропорционально мал и почти не имеет «развала», а пленный французский кавалерист, судя по обмундированию, принадлежит к драгунскому полку, но драгун в составе дивизии Пюто в день сражения не было. Неверно изображены и трофейные знамена: вместо «орлов» с широкими вертикальными полосами синего, белого и красного цветов перед нами знамена с иным чередованием этих цветов, расположенных вдобавок горизонтально. Благодаря О. В. Шереметьева за сообщение об исторических неточностях в картине.
- ⁶² *Любин Д. В.* «Сражение при Левенберге» кисти Александра Коцебу из собрания Музея-панорамы «Бородинская битва». Уточнение атрибуции и история создания картины // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 60. СПб., 2020. С. 52–61.
- ⁶³ В «Книге о приходе, расходе и остатке золотых и серебряных медалей, выдаваемых Императорской Академией художеств посторонним ученикам оной и другим лицам за художественные произведения с 1840 года» ошибочно указана другая дата назначения медали Коцебу – 29 сентября 1840 г. (РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Д. 727. Л. 3).
- ⁶⁴ Там же. Д. 1673. Л. 92 об. См. также: *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 2. СПб., 1865. С. 406.
- ⁶⁵ Эта дата начертана вместе с подписью художника – монограммой «АК» на камне у переднего края картины.
- ⁶⁶ Командир Костромского полка полковник Гейденрейх произведен в генерал-майоры.
- ⁶⁷ *Богданович В.* Указ. соч. С. 84.
- ⁶⁸ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 83.
- ⁶⁹ «Итальянская дивизия... придя в Кенигсварте, расположилась беспечно, не оградив даже себя разъездами. Оплотность стоила ей дорого... Князь Щербатов подошел первый к беспечному неприятелю, стоявшему впереди Кенигсварте, опрокинул его штыками, взял 2 пушки и вместе с ним ворвался в город. Итальянцы защищались в улицах и домах. Князь Щербатов наступал неослабно... Бой в городе продолжался около часа. Неприятель был разбит совершенно, потерял 7 орудий и пленными дивизионного начальника, трех бригадных генералов, 14 офицеров и 1 740 рядовых. Остальная часть дивизии спаслась в Каменцкий лес; ее не преследовали, потому что Барклай-де-Толли остановил колону Ланжерона в Кенигсварте, услышав сильную канонаду в той стороне, где находилась колонна Йорка...» Йорк в это время вступил в бой с корпусом генерала Лористона (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года. Ч. 1. С. 196, 197).
- ⁷⁰ «Около трех часов пополудни 18-я дивизия князя Щербатова встретилась с неприятелем в лесу под местечком. Находившиеся впереди 32-й егерский и Костромской пехотный полки, выбив стрелков из леса, атаковали на поляне большое каре, ворвались в него и овладели двумя орудиями; две колонны, двинувшиеся в помощь неприятельскому каре, были опрокинуты в местечко. По сближении 9-й дивизии Инзова князь Щербатов повел атаку на Кенигсварту, где неприятель оборонялся отчаянно в домах и улицах более часа, но наконец был вытеснен из местечка и рассеялся в окрестных лесах... Победители захватили семь орудий... несколько заряд-

- ных ящиков и весь обоз, и взяли в плен дивизионного генерала Пейри, трех бригадных генералов, четырнадцать штаб- и обер-офицеров и семьсот сорок нижних чинов» (*Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии. Т. 1. СПб., 1863. С. 237, 238). Историк допустил ошибку в числе плененных солдат противника: Михайловский-Данилевский указал, что их было не 740, а 1 740 человек, о взятии более чем тысячи нижних чинов писал и сам Щербатов.
- ⁷¹ Уже после того, как Костромской и 32-й егерский полки вышли на поле перед Кёнигсвартой, они увидели безмолвно стоявшие колонны пехоты. «Неприятель... стоя неподвижно, не открывал даже стрельбы. Предполагая, что перед ними находятся прибывшие раньше прусские войска, князь Щербатов и граф Ланжерон с офицерами свиты подъехали на близкое расстояние к этим безмолвным колоннам и спросили: „Что это за войска?“ – „Мы итальянцы“, – спокойно ответили те. Тогда граф Ланжерон велел орудиям открыть огонь картечью, которая и разбудила беспечных и доверчивых врагов. Из-за колонн их немедленно явилась артиллерия и начала сильнейшую стрельбу по нашим, а вслед за тем раздалась залпы и пехоты. Все это продолжалось несколько секунд. Не желая подвергать своих людей гибельному действию неприятельского огня, князь Щербатов приказал передним батальонам Костромского и 32 егерского полков дать по одному залпу, а затем с той решительностью и неустрашимостью, которыми он и предводимые им войска всегда отличались, бросился с ними в штыки» (*Богданович В.* Указ. соч. С. 81).
- ⁷² Там же. С. 82.
- ⁷³ В ней упомянуты и обстоятельства сражения в целом, и суть подвига князя: «Сраж. при Кенигсварте 1813 г. 7 мая. Ген: майор кн: Щербатов с 18-ю пех. дивизиею в числе не более 3/т. атакует перед Кенигсвартом итальянской корпус, состоящий из 7/т., быстрым движением сей корпус захвачен врасплох и, не успев устроиться совершенно к бою был разбит и обращен в бегство. В плен взято 3 генерала, один убит, 20 штаб- и обер-офицеров, 1000 рядовых, число пленных было бы гораздо более, если б было в деле хотя мало кавалерии, отбито 8 пушек, одна спасавшаяся взята к: Щербатовым с адъютантами его».
- ⁷⁴ Перекос Коцебу изобразил такой, каким он был в русской армии. В принятой во французской армии системе Ж. Б. В. де Грибовалю зарядный ящик при походе помещался между станин орудия, а во время боя снимался с лафета.
- ⁷⁵ В этой должности князь находился с 29 мая 1813 г. В начале 1814 г. корпус Щербатова состоял из двух дивизий: 7-й пехотной под командованием генерал-майора Тальзына 2-го (пехотные полки Псковский, Московский, Софийский, Либавский и 11-й и 36-й егерские полки) и 18-й пехотной дивизии генерал-майора Бенардоса (пехотные полки Владимирский, Днепровский, Тамбовский, Костромской и 28-й и 32-й егерские полки) (*Богданович М. И.* История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1865. С. 30).
- ⁷⁶ 2-я гусарская дивизия, которой командовал генерал-лейтенант Ланской, состояла из четырех полков: Ахтырского, Мариупольского, Белорусского и Александровского.
- ⁷⁷ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Франции в 1814 году. Т. 1. СПб., 1836. С. 43, 44.
- ⁷⁸ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 95.
- ⁷⁹ *Varnhagen von Ense K. A.* Leben des Fürsten Blücher von Wahlstadt. Berlin, 1826. S. 320.

- ⁸⁰ *Богданович М. И.* История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I... Т. 2. С. 85.
- ⁸¹ Коцебу изобразил их весьма обобщенно, полковую принадлежность всадников определить невозможно. Ни у одного из полков дивизии Ланского, бывших с Щербатовым в этот день, не было красных доломанов.
- ⁸² Состав казачьего отряда в корпусе Остен-Сакена: под начальством генерал-майора А. А. Карпова 2-го были полки донские казаки Карпова, Луковкина, Семенчикова, Кутейникова 4-го, Грекова, казачий волонтерный майора Бодде и 2-й Калмыцкий. Всего в семи казачьих полках находилось до 2000 человек (*Богданович М. И.* История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I... Т. 2. С. 31).
- ⁸³ У союзников основная тяжесть потерь – до 4000 человек – легла на русские войска.
- ⁸⁴ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Франции в 1814 году. Т. 1. С. 115.
- ⁸⁵ Щербатов писал об этом: «Император на другой день рано поутру, осматривая поле сражения, встретясь со мною, отделился от многочисленной своей свиты... обнял меня и пред всеми благодарил с самыми лестными выражениями, приписывая моему корпусу успех сражения. Через несколько дней прислан мне был орден Святого Георгия 2 класса» (*Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 99).
- ⁸⁶ Коллективные награды за Бриенн-ле-Шато и Ла-Ротьер получили Тамбовский и Одесский пехотные полки (георгиевские знамена), Псковский и Московский пехотные полки (серебряные трубы с георгиевскими крестами), Владимирский, Днепровский, Костромской, Белостокский, Камчатский пехотные, 11-й, 28-й, 32-й, 40-й егерские полки (знаки на кивера «За отличие») (*Сулов П. В.* Ла-Ротьер // Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1812–1814 годов : энциклопедия. Т. 2. М., 2012. С. 287).
- ⁸⁷ *Щербатов А. Г.* Указ. соч. С. 98.
- ⁸⁸ *Любин Д. В.* Исполнение частных заказов учениками батального класса Императорской академии художеств в XIX веке. К постановке проблемы // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Вып. 64. СПб., 2023. С. 144–157.
- ⁸⁹ В «Указателе художественных произведений...» эта картина названа «Полковник Скобелев в сражении при Реймсе в 1814 году спасает раненого генерала Сен-При» (Указатель художественных произведений, выставленных в залах Императорской Академии художеств. СПб., 1842. С. 11).
- ⁹⁰ Подробнее об этой работе: *Любин Д. В.* Повесть об одном сражении. Картина А. Е. Коцебу «Генерал Скобелев в бою» из собрания Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 66. СПб., 2021. С. 71–93.